

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.5>

Константинова Наталья Владимировна

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТРАВЕЛОГА В. Б. БРОНЕВСКОГО

В статье впервые определяется специфика жанровой природы травелога В. Б. Броневского "Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 год", которая выражается в совмещении разных нарративных стратегий автора-путешественника, одновременно и документалиста-историка, очевидца событий, и художника, творца индивидуального Слова о Чужом мире. Особо акцентируется внимание на формах и способах имплицитного выражения авторской установки на художественность повествования, что и обуславливает своеобразие жанровой модификации травелога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 09.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.5>

В статье впервые определяется специфика жанровой природы травелога В. Б. Броневского «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 год», которая выражается в совмещении разных нарративных стратегий автора-путешественника, одновременно и документалиста-историка, очевидца событий, и художника, творца индивидуального Слова о Чужом мире. Особо акцентируется внимание на формах и способах имплицитного выражения авторской установки на художественность повествования, что и обуславливает своеобразие жанровой модификации травелога.

Ключевые слова и фразы: автор-путешественник; жанровое своеобразие; травелог; нарративные стратегии автора; В. Б. Броневский.

Константинова Наталья Владимировна, к. филол. н.
Новосибирский государственный педагогический университет
scribe2@yandex.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТРАВЕЛОГА В. Б. БРОНЕВСКОГО

В научной литературе, посвященной осмыслению специфики жанра травелога, традиционно выделяется период XIX века, который отличается повышенным вниманием к феномену путешествия, формированием основы жанровых моделей и нарративной структуры текстов, а также различными экспериментами с предшествующими формами [5; 6]. Кроме того, исследователи акцентируют внимание на том, что своеобразие жанра выражается в увеличении числа не только документальных травелогов, но и литературных [7; 8; 12; 13]. Безусловно, этот факт можно объяснить особой популярностью в России «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, которого по праву считают родоначальником всей русской литературы о путешествиях.

Как правило, в качестве основного достоинства «путевой прозы» этого автора выделяется стремление изменить традицию XVIII века, а именно в качестве центральной цели путешественника обозначить не желание решать собственно научные, образовательные и коммуникативные задачи, а самопознание и самоопределение личности в контексте постижения новой реальности. Такой подход к субъекту повествования существенно изменил отношение к травелогам: из произведения об исторических, научных, географических, лингвистических отчетах путешественника-документалиста жанр трансформировался качественно в особую саморефлексию автора, который в большей степени познавал себя в новом пространстве, меняясь духовно.

Таким образом, произведения «путевой прозы» начала XIX века стали обладать целым рядом общих элементов, среди которых можно увидеть, например, обязательное включение в структуру текста «Предупреждения к читателю»; разного рода комментарии автора о характере своих записей, от явного самоуничижения как художника слова до игры в нелитературность; имитацию диалога с близким человеком; стремление убедить читателя в спонтанности повествования о событиях. При этом следует указать, что выделенные признаки жанра можно обнаружить как в литературном, так и в документальном травелоге этого периода. На эту особенность, например, указывает А. Шёнле, анализируя соотношение подлинности и вымысла в самосознании автора-путешественника, опираясь в большей степени на литературные травелоги [14]. В настоящем же исследовании особое внимание будет уделено жанровой природе документального травелога, в котором, на наш взгляд, установка на художественность выражается, но имплицитно, с помощью особой нарративной структуры. В этом и состоит **научная новизна** нашей работы. В связи с этим возникает необходимость, с одной стороны, в выделении четких параметров «литературности» документального текста о путешествии, с другой стороны, в определении индивидуальных особенностей нарративных стратегий автора-путешественника.

Многие авторы-путешественники стремились к предельной документальности и объективности, чтобы представить информацию о Чужом мире более достоверной, намеренно наполняя текст всевозможными статистическими данными и устраняя субъективные оценочные характеристики. Однако нарративные стратегии писателей зачастую расходились с осознанными установками, представленными в Предисловии. Художественное начало неявно выражалось в документальных травелогах, что способствовало все большему выделению фигуры автора в наррации текстов. Стремление путешественника создать максимально достоверный рассказ о Чужом мире замещалось желанием рефлексировать собственное состояние в процессе постижения Нового, фиксировать изменение сознания и мировоззрения. Иными словами, в этот период наметилась очевидная тенденция к формированию жанровых модификаций путевой прозы, что и определило объект нашего исследования.

В качестве наиболее прецедентного исторического события начала XIX века, как правило, и историками, и филологами, и культурологами выделялась кампания Дмитрия Николаевича Сенявина, так как была описана во многих мемуарах ее непосредственных участников – морских офицеров. Следует указать, что именно это событие в истории XIX века оставило множество письменных свидетельств, благодаря которым читатель мог составить полноценное представление о сущности и характере этой морской кампании. При этом каждый из авторов этих документальных травелогов продемонстрировал как знание и следование общепринятой

традиции описания путешествия, так и индивидуальные писательские стратегии. Эти путевые записки стали как активно публиковаться в журналах и сборниках, так и выходить отдельными изданиями. Подробный анализ нарративных стратегий авторов этих записок представлен в одной из наших работ [9]. Особенно ценными первоисточниками этого события считаются «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сенявина, от 1805 по 1810 год» В. Б. Броневского [2-4]. Традиционно этот текст, с точки зрения жанра, характеризуется как документальный травелог. На этот факт, в первую очередь, указывает сам автор записок в предисловии: «В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке» [2, с. 2]. Отметим, что эти записки в качестве отдельного объекта научного исследования не выступали. Так, например, в работе историка П. С. Куприянова уделяется внимание путевой прозе В. Б. Броневского, но лишь в контексте изучения особенностей изображения прецедентного политического события в мемуарах очевидцев [11]. На наш взгляд, особого внимания заслуживают записки В. Б. Броневского ещё и потому, что отличаются полной освещением событий, разнообразием форм и нарративных стратегий автора. Этому вопросу посвящена одна из наших работ, в которой впервые подробно описана нарративная структура и поэтика травелога автора-путешественника [10]. Именно в его тексте в большей степени совмещаются наиболее популярные в то время формы обращения к Читателю как очень важному соучастнику творческого процесса. Так, В. Б. Броневский, в первую очередь, ориентируется на тип Просвещенного Читателя, которому он хочет понравиться, оправдать его ожидания. Но, кроме того, автор не забывает, что он является непосредственным участником морской кампании, поэтому ставит перед собой ещё одну задачу – прославить имена своих товарищей, которые были с ним в этом путешествии. Это уже совсем другой тип Читателя, это свидетель событий, значит, нужно писателю удерживать в своем сознании не только точку зрения внешнего наблюдателя событий, но и соучастника событий. В связи с этим В. Б. Броневский делает акцент и на том, что он будет описывать объективные события, ориентируясь на восприятие своих товарищей – морских офицеров, «служивших тогда на флоте и в 15 пехотной дивизии в Корфе». Безусловно, эта установка кажется первостепенной и решает ряд важных политических и патриотических задач. Однако следует указать, что путевые записки В. Б. Броневского имплицитно демонстрируют и другую нарративную стратегию – сугубо литературную. Подробно характеризуя объективные особенности Чужого мира в процессе путешествия, автор не только выражает субъективные оценочные суждения, но и стремится понять Иное сознание, отрефлексировать точку зрения представителей Другого мира, причины формирования их мировоззрения, идентифицировать собственное отношение к новому феномену реальности, определить значимость влияния Чужого мира на свое сознание. Так, объективная позиция автора-документалиста, историка, этнографа, политика постепенно соединяется с точкой зрения писателя, художника, мыслителя, который творит Новое слово о постигаемом им мире. В связи с этим можно говорить о несомненном жанровом своеобразии путевой прозы В. Б. Броневского, изучение которой в контексте современных исследований различных типов травелогов представляется весьма **актуальным**.

Особое внимание к авторству своих записок морской офицер проявляет сразу после публикации их первых фрагментов в 1818 году в разных журналах. Публика становится свидетелем неожиданного литературного скандала, в котором В. Б. Броневский открыто обвиняет П. П. Свиньина, опубликовавшего свою книгу «Воспоминания на флоте», в намеренном плагиате – использовании отдельных частей его записок о кампании Д. Н. Сенявина. При этом стоит отметить, что в большей степени возмутило начинающего писателя не столько «документальное воровство», сколько «литературное», так как, по его мнению, П. П. Свиньин даже не меняет слога в тех частях текста, которые очевидно ему не принадлежат. Таким образом, индивидуальный авторский стиль записок и позволяет обнаружить это досадное уже «литературное заимствование».

В итоговом варианте текста «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 год» В. Б. Броневского можно выделить и более очевидные доказательства нарративной стратегии автора, подтверждающей «литературность» травелога. Так, например, описывая обычаи и нравы жителей чужой страны, путешественник не только фиксирует объективные сведения, но и пытается осознать субъективные причины их поступков, выделить ментальные различия представителей этого народа, выразить собственное мнение об особенностях их взгляда на мир: «Честность Турок заслуживает особенное внимание и поистине достойна нашего удивления. Купцы их верят друг другу на миллионы, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидетеле...» [4, с. 160]. Этот фрагмент демонстрирует не столько описание Чужого мира, сколько характеристику Иного сознания, вызывающего у автора удивление. Чаще всего такая стратегия проявляется в желании опровергнуть расхожее мнение о другой стране и ее жителях, бытующее в сознании большинства читателей. При этом автор и себя оценивает как типичного реципиента предшествующих травелогов о посещении Турции. Установка на разрушение общепринятых стереотипов – наиболее характерное явление в записках В. Б. Броневского. Как правило, это выражается в открытом стремлении автора создать индивидуальное Слово о путешествии, передать информацию, опираясь на свое мировоззрение и опыт путешественника-очевидца событий, с которым произошла неожиданная метаморфоза в восприятии знакомого вроде бы по чужим текстам мира.

Иногда в его записках подобная установка выражается в открытой полемике с писателями прошлого. Чаще всего это связано с восприятием Италии, которая в большей степени была описана и воспета великими поэтами. Но и в этом случае В. Б. Броневский демонстрирует желание понять причины несовпадения восприятия Чужого пространства, а иногда он фиксирует очевидную трансформацию, рефлексивизируя изменения

в собственном мировоззрении: «Я ожидал, что Цитера, остров, где Венера вышла из недр моря, где родилась прелестная Елена, должен быть наипрекраснейший; но остров сей, называемый ныне Цериго, представлял обманутому взору одни бесплодные скалы... но если древние поэты полагали красоту более в душевном, внутреннем превосходстве, то они справедливо почтили Цериго местом рождения богини радостей. В самом деле Цериго, столь безобразный по наружности, внутри под кровом обнаженных гор, наполнен плодоносными долинами и приятными местоположениями» [Там же, с. 5]. Этот фрагмент записок представляет смену точки зрения писателя на один и тот же объект реальности: внешний поверхностный взгляд порождает эффект обманутого ожидания, и наоборот, более пристальное изучение внутреннего облика острова приводит путешественника к противоположной оценке известного ландшафта, что заставляет оценить духовную красоту природного явления. Показательно, что эта метаморфоза в сознании автора травелога становится возможной только благодаря попытке понять логику восприятия острова древними поэтами. При этом следует указать, что начинающий писатель фиксирует весь процесс постижения не только Чужого мира, но и Чужого слова об этом мире, что порождает интертекстуальный фон, характерный для литературного травелога. Свое произведение об итальянском пространстве путешественник ставит в один ряд с другими очень известными художественными текстами мировой литературы, претендуя на творческую индивидуальность.

Повествование записок В. Б. Броневского отличается от сугубо документального травелога и соединением разных дискурсов в описании одного и того же факта реальности. Так, например, в одном из многочисленных описаний морского пространства В. Б. Броневский очевидно соединяет возвышенный поэтический и научный дискурсы: «Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль по-видимому плыл в растопленном металле... Картина ужасная и вместе прекрасная! ...морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается, и в темную ночь при скором ходе производит сие явление» [3, с. 187]. Такой принцип наррации позволяет продемонстрировать разные точки зрения нарратора – путешественника и художника (литератора) одновременно. При этом возникает эффект двойственности восприятия мира в процессе путешествия и создания особого индивидуального Слова о нем. Автор травелога осознает мир, с одной стороны, как совокупность элементов объективной реальности, с другой стороны, как эстетический объект, требующий иного языка описания. Показательно, что художественная сторона описания явно ориентирована на модные в то время сентиментальные и романтические тенденции в литературе. Так, например, именно на литературные достоинства записок В. Б. Броневского указывает писатель-романтик А. А. Бестужев-Марлинский, отмечая, что автор «изобразил будто в панораме берега Средиземного моря. Он привлекает внимание разнообразием предметов, слогом цветущим, быстротою рассказа о водных и земных сражениях и пылкостью, с которой передает нам геройские подвиги неприятелей, друзей и сынов России. Он счастливо избег недостатка множества путешественников, утомляющих подробностями. Он занимателен всем и нигде не скучен» [1, с. 549]. Обратим внимание на то, что писатель особо оценил те признаки травелога, которые относят его к сентиментально-чувствительной литературе, но при этом не объясняются только следованием традиции Н. М. Карамзина.

Повышенная эмоциональность путевой прозы В. Б. Броневского, безусловно, является яркой особенностью нарративной структуры. Повествователь не просто описывает увиденное, а намеренно фиксирует все оттенки собственного состояния, благодаря чему создается эффект соприсутствия, непосредственности реакций путешественника, стремящегося запечатлеть сиюминутное: «Инквизиция! Повторил я с ужасом, остановился и, с негодованием смотря на строение, безмолвно рассуждал с собой: как сей вертеп жестокого фанатизма, сие исчадие ада, противное кротости христианской веры, уничтожающее человечество, оскверняющее алтарь Всемилосердного творца, ещё терпим в наш просвещенный век... Содрогаюсь» [4, с. 226]. В этом фрагменте текста очевидно выделение приоритета фигуры автора, его чувств и переживаний. Он становится одновременно и субъектом, и объектом повествования, что характерно для литературного произведения. Вполне допустимо такого рода элементы записок рассматривать и как вариант лирического отступления в речи повествователя, что еще раз доказывает жанровую неоднородность этого травелога.

«Литературность» записок часто фиксируется автором как новаторство в жанре травелога. В. Б. Броневский в некоторых фрагментах своей путевой прозы открыто указывает на то, что является своеобразным первооткрывателем Нового мира, практически демиургом. В большей степени такая нарративная стратегия раскрывается в описании Черногории: «...собрав подобные сведения о Черногории и Катарской области. Я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана» [3, с. 245-248]. На первый взгляд, эксплицитно выражена стратегия автора-документалиста – передать точные сведения о Новом мире, но, с другой стороны, в процессе описания различных подробностей этой страны, ее жителей, нравов и обычаев мы наблюдаем переход к стратегии автора-литератора, художника слова, который рефлексивирует не только то, о чем он пишет, но и как он это делает, в какой форме и каким слогом. Например, В. Б. Броневский отмечает: «Новость предмета вознаградит негладкость слога» [Там же, с. 248]. Безусловно, нарратор-историк, автор документального травелога не стремится, как правило, обращать особое внимание на слог своих записок, так как на первом плане у него находится принцип достоверности и точности информации.

Таким образом, в нарративной структуре записок В. Б. Броневского обнаруживается соединение двух традиционно противоположных стратегий автора: стремление к предельной точности и документальности,

объективности и достоверности, установка на художественность, «литературность», субъективность восприятия Чужого мира через призму индивидуально-авторского сознания. Путешественник-очевидец последовательно превращается в литературного творца, создающего особую духовность и ментальность Нового мира с целью понять Чужое сознание и размышляющего над самоидентификацией. Постоянная смена точек зрения в наррации травелога морского офицера создает эффект двойственности в описании Иного мира и сознания, что характерно для жанра литературного травелога. Путешественник познает Иное сознание, Чужой мир в процессе создания травелога, постигая роль автора, творца своего индивидуального Текста.

Такой подход к созданию путевых записок, безусловно, порождает особую жанровую модификацию, которая представляет собой очевидное следование традициям документальных травелогов (подробное описание объективных фактов, статистических данных, ссылки на архивные источники) и субъективное повествование о Чужом мире, выражающее индивидуально-авторскую картину миру (лирические отступления, риторические вопросы и восклицания, интертекстуальные связи, сентиментальные и романтические штампы, смена точек зрения в нарративной структуре текста, сочетание разных дискурсов).

Список источников

1. **Бестужев-Марлинский А. А.** Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года // Бестужев-Марлинский А. А. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 2. С. 547-558.
2. **Бронеvский В. Б.** Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год: в 4-х ч. СПб., 1836. Ч. I. 385 с.
3. **Бронеvский В. Б.** Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год: в 4-х ч. СПб., 1836. Ч. II. 269 с.
4. **Бронеvский В. Б.** Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год: в 4-х ч. СПб., 1837. Ч. III. 272 с.
5. **Гуминский В. М.** Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 285 с.
6. **Дыдыкина О. А.** Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX в.: от Н. М. Карамзина до И. А. Гончарова: дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 251 с.
7. **Иванова Н. В.** Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: тематика, поэтика: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 270 с.
8. **Ивашина Е. С.** О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1979. № 3. С. 3-16.
9. **Константинова Н. В.** Нарративные стратегии авторов-путешественников в травелогах о кампании Д. Н. Сенявина начала XIX века // Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 286-305.
10. **Константинова Н. В.** Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Бронеvского) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 21-33.
11. **Куприянов П. С.** Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59-73.
12. **Русский травелог XVIII-XX веков:** коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.
13. **Феноменология, история и антропология путешествия:** тезисы Международной Гумбольдтовской конференции (г. Санкт-Петербург, 16-19 апреля 2013 г.) / сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. СПб.: Своё издательство, 2013. 355 с.
14. **Шёнле А.** Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790-1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.

GENRE PECULIARITIES OF V. B. BRONEVSKY'S TRAVELOGUE

Konstantinova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Pedagogical University
scribe2@yandex.ru

The article for the first time identifies the genre peculiarities of V. B. Bronevsky's travelogue "Navy Officer's Itinerary throughout the Mediterranean Sea Campaign under the Command of the Vice-Admiral D. N. Senyavin (1805-1810)", which manifest themselves in the combination of different narrative strategies used by the author – traveller, documentarian and historian, eyewitness and writer, creator of his own "Song about Foreign Land". The emphasis is made on the forms and ways of implicit expression of the author's orientation towards artistry of narration, which determines the specificity of the travelogue genre modification.

Key words and phrases: author-traveller; genre peculiarities; travelogue; author's narrative strategies; V. B. Bronevsky.